

УДК 811.511
ББК 81.2
Я 41

Составители
В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева

Языки мира. Типология. Уралистика. Памяти Т. Ждановой. Статьи и воспоминания / Сост. В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева. — М.: «Индрик», 2002. — 720 с.

ISBN 5-85759-218-6

Сборник посвящен памяти Т. Ю. Ждановой (1972–2000), талантливого лингвиста, неоднократного участника лингвистических экспедиций, автора работ по нганасанскому языку. В сборник включены статьи по общему языкознанию, компаративистике, типологии, русистике и языкам Северной Сибири, а также воспоминания друзей и коллег.

В оформлении книги использованы
рисунки и фрагменты тетрадей Т. Ю. Ждановой

ISBN 5-85759-218-6

© Коллектив авторов, 2002
© Издательство «Индрик», 2002

ЯЗЫКИ МИРА. ТИПОЛОГИЯ. УРАЛИСТИКА

Памяти Т. Ждановой
Статьи и воспоминания

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2002

М. Стаховский

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДОЛГАНСКОГО ЯЗЫКА *

1. Еще недавно вопрос о том, является ли долганский одним из якутских диалектов или самостоятельным языком, вообще не ставился в европейской тюркологии. В 1959 г. Н. Поппе в статье о якутском языке в *Philologiae Turcicae Fundamenta* — труде, который до сих пор служит стандартным руководством и продолжает формировать взгляды тюркологов по отдельным проблемам, — писал: «Einen besonderen Dialekt sprechen die Dolganen, die wahrscheinlich jakutisierte Samojeden sind» [Poppe 1959: 1, 671].

По сути дела, лишь введение долганского языка в начале 1990-х гг. в школьное преподавание (долганские учебники для 1-го и 2-го класса вышли из печати в 1990 г.) поставило тюркологов перед вопросом о том, почему долганский не следует считать якутским диалектом. Тем не менее, еще и в 1992 г. популярный словарь-справочник мог предоставить заинтересованному немецкоязычному читателю лишь следующую информацию: «Die D. [= Dolganen] sprechen einen jakutischen Dialekt. Literatursprache ist neben Russisch Jakutisch» [Mark 1992, 61].

2. Основания для разграничения между языком и диалектом могут крыться в лингвистике, этнологии и истории. На наш взгляд, лингвистический аспект не имеет существенного значения. Тот факт, что различия между нижне- и верхненемецким гораздо значительнее, чем, например, между словацким и чешским или хорватским и сербским языками, никак не меняет статуса названных идиомов. Поэтому аргумен-

* Перевод с немецкого Е. А. Хелимского.

ты Е. И. Убрятовой [Убрятова 1966, 46–48; 1985, 11 и сл.] вряд ли могут кого-либо убедить. То, что долганы произносят смычные *k* и *g* (в крайнем случае *kχ* и *gh*), а не спиранты *χ* и *γ* (как якуты); что якутскому назализированному *ǰ* обычно соответствует долганский *ǰ*; что ряд консонантных кластеров не подвергается в долганском такой ассимиляции, как в якутском языке; что гаплогическое стяжение форм датива с посессивным суффиксом 3-го л. ед. ч. встречается в долганском значительно реже, чем в якутском; что в ряде долганских слов наблюдается лексикализация посессивных форм с утратой посессивного значения, а ряд других отличается по семантике от их якутских соответствий — всё это совершенно справедливо, но недостаточно для того, чтобы безоговорочно признать долганский самостоятельным языком.

3. С лингвистической точки зрения различия между долганским и якутским не столь велики. Взаимопонимание обычно не встречает серьезных препятствий. Важнейший и в данном случае определяющий фактор не связан со степенью языкового сходства. У долганов отсутствует сознание этнической общности с якутами, и признание данного обстоятельства можно найти уже и в работах позапрошлого (XIX) века.

Немецкий исследователь А. Т. фон Миддендорф, побывавший в Сибири в середине XIX в., наблюдал и однозначно констатировал различие между этими двумя народами. Уже в оглавлении к опубликованным в 1956 г. фрагментам из путевых заметок Миддендорфа мы находим главу под заглавием «Долганы и якуты», и при чтении этой главы проводимое автором разграничение между долганами и якутами бросается в глаза. Приведем лишь две цитаты из книги:

«Filipovskoje war die grösste Ansiedlung der im Tajmyrland lebenden Jakuten. Diese Völkerschaft zählte nach den offiziellen Listen als einzige zu den „sesshaften Eingeborenen“ im ganzen Umkreis [...]. Ausser ihnen weilte noch eine rentierarme Samojedenhorde am Platz, während ein herdenreicher Dolganenkrösus, auf den ich für unseren Weitertransport am meisten gerechnet, schon seinen Frühjahrszug zum höheren Norden angetreten hatte» [Middendorff 1956, 133].

«Bald erschien auch unser Dolganen-Krösus. Sein Name war Oko; er war der Hauptrepräsentant der nomadisierenden Dolganen dieser Gegend» [Middendorff 1956, 150].

Мимо того обстоятельства, что долганы четко отличают себя от якутов, не могли пройти и советские этнографы. Хотя Б. О. Долгих (не оставивший без внимания и свидетельства Миддендорфа [Долгих 1963, 96 и прим. 15]) и называет долганский «якутским диалектом», он одновременно отмечает, что «долганы отличают свой язык как от говора якутов-оленьеводов Северо-Западной Якутии, так и от языка якутов центральной части ЯССР» [Долгих 1963, 129].

Разграничение нашло свое отражение и в употребляемых на Таймыре этнонимах. Долганы называли себя не *haka* (= якут. *saxa* 'якут'), а *tya* или *tya kihilärä*; якуты Таймыра (живущие главным образом на оз. Ессей) называли их *lama kihilärä*, т. е. буквально 'ламутские (эвенские) люди', а обозначение *saxa* ~ *haka* было введено только с 1935 г. официальными властями и фактически так никогда и не вошло в употребление у самих долганов [Долгих 1963, 105; Stachowski 1993, 81 s. v. *dolgan*]. Сходным образом обстоит дело и с ессейскими якутами, которые произносили якутское самоназвание *saxa* на долганский лад (т. е. *haka*) и также отграничивали себя от «настоящих» ленских якутов, которых они называли не просто *haka*, а *jakutskaj hakalara* [Долгих 1963, 105].

Впрочем, о последовательности в данном вопросе говорить трудно. Хотя в долганских фольклорных текстах употребляются преимущественно самоназвания *tya* и *tya kihilärä*, а в речевом обиходе стало привычным исторически мотивированное название *dolgan* ~ *dulgan*, современный письменный язык отдает явное предпочтение самоназванию *haka* (оно преобладает в школьных учебниках, а периодически публикуемая долганская страница в газете «Таймыр», ранее «Советский Таймыр», носит заголовок *haka тыла*), которое этимологически идентично самоназванию якутов *saxa* и поэтому меньше всего соответствует отчетливо видимой во всем тенденции к отграничению долганов от якутов.

Относительно ессейских якутов достоверно известно, что те из них, которые в конце 1920-х гг. жили в центральных районах Таймыра, оказались долганизированы. В 1960-е гг. их можно было отличить от собственно долганов только по

фамилиям, образованным не от долганских или эвенкийских, а от якутских названий родов [Долгих 1963, 98 и сл.].

Известны слова поэта Юлиана Тувима, который писал стихи по-польски, но всегда подчеркивал свое еврейское происхождение, — слова, произнесенные им в Америке, куда он был вынужден (и сумел) бежать в годы Второй мировой войны: «Я еврей, потому что мне это нравится». Польский писатель и публицист Анджей Шчыпёрский, цитируя это изречение Тувима в статье о Марселе Райх-Раницком, добавляет: «*Die persönliche Wahl ist ausschlaggebend*» — «Личному выбору принадлежит решающее слово» [Szczypiorski 1995, 205b]. Мы не видим причин оспаривать право долганов на подобный личный выбор.

4. В общем и целом долганско-якутские отношения напоминают нам об отношениях между словаками и чехами, башкирами и татарами или хорватами и сербами. Это обстоятельство позволило нам рассматривать долганский язык как самостоятельный, отличный от якутского языка (хотя и близкий ему), см. [Stachowski 1993, 17], и мы рады констатировать, что это мнение разделяют и другие исследователи, занимающиеся таймырской проблематикой [Хелимский 1994, 234].

5. В свете сказанного выше, о долганском языке как таковом можно говорить начиная с того момента, когда произошло обособление долганов от остальных якутов.

Б. О. Долгих [1963, 107] придерживался мнения, что в XVII в. долганов на Таймыре еще не было, и датировал их переселение с Лены на полуостров Таймыр приблизительно XVIII — началом XIX вв.

Е. И. Убрятова, которая первоначально датировала это событие рубежом XVII—XVIII вв., впоследствии склонилась к той точке зрения, что долганы должны были покинуть бассейн Лены еще в XVI в., поскольку в одном из документов русской администрации они уже в 1638 г. упомянуты как обитатели Таймыра [Stachowski 1993, 13].

Таким образом, датировки переселения долганов варьируются — от XVI до XVIII и даже до начала XIX в. Поскольку

упомянутый Е. И. Убрятовой документ 1638 г. может рассматриваться как достоверное историческое свидетельство, точку зрения Б. О. Долгих следует считать устаревшей. При этом, однако, 1638 г. может быть принят лишь как *terminus ante quem* для прихода долганов на Таймыр. Сколько времени понадобилось им на переселение из бассейна Лены, оставалось до сих пор неизвестным.

6. Теперь мы имеем возможность обратиться к свидетельствам, оставленным двумя первыми поляками, оказавшимися (в качестве военнопленных) в Сибири. Один из них — Самсон Новацкий, который вместе с женой попал в русский плен в 1621 г., а в 1628 г. как опытный солдат был поставлен во главе военного отряда (случайно собранного и не связанного дисциплиной) и послан для сбора ясака на Нижнюю Тунгуску (эти и другие биографические сведения приводятся по [Armon 1977, 18 ff.]). По пути к отряду присоединились еще несколько человек, в том числе поляк по имени Антоний Добрыньский, сосланный в Тобольск в 1620 г. Успешно справившись со своей задачей на Нижней Тунгуске, он решил направить часть своего отряда в составе 30 человек под командой Добрыньского дальше на Лену. Об этой реке рассказал ему один эвенк с Нижней Тунгуски, сообщивший также кое-какие сведения о живущих там якутах. Добрыньскому действительно удалось пройти на Вилюй и на Лену и собрать ясак с тамошних эвенков и долганов (!). В 1630 г. Добрыньский построил небольшой острог, в котором намеревался перезимовать со своим отрядом. 9 ноября 1630 г. на острог напали якуты, но не смогли овладеть им. Тем не менее, осада продолжалась в течение многих месяцев, так что лишь в начале мая 1631 г. Добрыньский сумел покинуть острог и вернуться обратно со своим отрядом (уменьшившимся за это время до 15 человек).

Дальнейшая судьба Новацкого и Добрыньского для нас в данном случае несущественна. Чрезвычайно важна, однако, информация о том, что Добрыньский в промежутке между 1628 и 1630 гг. встречался с долганами, всё еще жившими на Лене. Может возникнуть определенное сомнение относитель-

но того, действительно ли идет речь о тех же, т. е. о якутизированных в языковом отношении долганах. Это утверждение, однако, представляется достаточно надежным. Если в 1638 г. долганы уже жили на Таймыре, то, во всяком случае, за 8–10 лет до этого они уже должны были говорить на своем якутском диалекте: совершенно невообразимо, чтобы всего за одно десятилетие они могли перейти с родного тунгусского языка на первоначально чуждый для них якутский.

В то же время не исключено, что не все долганские семьи были уже к этому времени якутизированы. Известно, например, что в настоящее время на Таймыре часть рода Око (семей с фамилией Око) говорит по-нганасански, а другая часть — по-долгански; среди носителей фамилии Елогирь/Елогир также есть и долганы, и эвенки [Е. А. Хелимский, устное сообщение]. Еще легче представить себе подобную ситуацию в XVII в. Однако в пользу того, что две упомянутые группы долган не имели друг к другу никакого отношения и говорили на разных языках, нет вообще никаких данных.

Иными словами: нет никакого сомнения, что в 1628 г. долганы еще находились на территории Якутии. Можно полагать, что уже тогда они говорили на якутском диалекте или, что еще вероятнее, на смеси тунгусского и якутского языков. Вне сомнения и то, что десятью годами позже долганы жили на Таймыре. Предположение же о том, что таймырские долганы образовывали совершенно другую группу, впоследствии поглощенную и в языковом отношении полностью ассимилированную ленско-вилюйскими долганами (поскольку сейчас нет таких долганов, которые говорили бы только по-эвенкийски), крайне неправдоподобно. За недоказуемостью иных версий, отождествление долганов 1628–1630 гг. с долганами, упоминаемыми в 1638 г., представляется гораздо более правдоподобным.

Как явствует из этого, долганам потребовалось для переселения из бассейна Лены на Таймыр меньше времени, чем предполагала Е. И. Убрятова. В свете рассмотренных сведений относить начало этого процесса к XVI в. нет возможности — всё переселение приблизительно датируется периодом между 1628 и 1638 гг.

Вне зависимости от того, принимать ли 1638 г. как точную дату или только как хронологический ориентир, датировку переселения долганов XVIII и даже преимущественно XIX вв. [Долгих 1952, 54] следует отклонить как ошибочную — не говоря уже о совершенно фантастическом утверждении о том, что миграция долганов завершилась лишь к середине XX столетия [Forsyth 1992, 385].

7. Можно, конечно, спорить о том, что следует считать отправной точкой долганской языковой и этнической истории — начало или же конец переселения. Но поскольку разница составляет в данном случае только одно десятилетие, такой спор был бы мало осмысленным. Мы полагаем, что на основе изложенных выше сведений можно сделать заключение: история долганов и их языка начинается в первой половине или, точнее, на рубеже третьего и четвертого десятилетий XVII в., после 1628 и до 1638 г.

Литература

- [Долгих 1952] — Долгих Б. О. *О некоторых этногенетических процессах (переселениях народов и распространении языков) в Северной Сибири* // Советская этнография. — 1952. — № 1.
- [Долгих 1963] — Долгих Б. О. *Происхождение долган* // Сибирский этнографический сборник. — 1963. — № 5.
- [Убрятова 1966] — Убрятова Е. И. *О языке долган* // Языки и фольклор народов сибирского Севера. — Л., 1966.
- [Убрятова 1985] — Убрятова Е. И. *Язык норильских долган*. — Новосибирск, 1985.
- [Хелимский 1994] — Хелимский Е. А. *Нганасанские заимствования в долганском языке: к выходу в свет долганского словаря М. Стаховского* // Таймырский этнолингвистический сборник. Вып. 1. Материалы по нганасанскому шаманству и языку. — М., 1994.
- [Armon 1977] — Armon W. *Polscy badacze kultury Jakutów*. — Wrocław e. a., 1977.
- [Forsyth 1992] — Forsyth J. A. *History of the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony 1581–1990*. — Cambridge, 1992.

- [MARK 1992] — Mark R. A. *Die Völker der ehemaligen Sowjetunion: Ein Lexikon*. — Opladen, 1992.
- [MIDDENDORFF 1956] — Middendorff A. Th. von. *Auf Schlitten, Boot und Rentierücken*. — Leipzig, 1956.
- [POPPE 1959] — Poppe N. *Das Jakutische* // Deny J. et al. (eds). *Philologiae Turcicae Fundamenta*. Bd I. — Wiesbaden, 1959.
- [STACHOWSKI 1993] — Stachowski M. *Dolganischer Wortschatz*. — Kraków, 1993.
- [SZCZYPIORSKI 1995] — Szczypiorski A. *Weil es ihm gefällt* // *Der Spiegel*. — 1995. — Nr. 22.